

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'22

DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.10

МНЕМИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

MEMORY NARRATIVE: A COGNITIVE-COMMUNICATIVE PERSPECTIVE

Ирина Владимировна Тивьяева

**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия**

Irina Vladimirovna Tivyayeva

**Moscow City University,
Moscow, Russia**

Аннотация

В статье предпринимается попытка уточнить статус и взаимосвязи различных нарративных структур, репрезентирующих опыт памяти. Вводится понятие мнемического нарратива как универсального вербализатора мнемического содержания, транслирующего как индивидуальный, так и коллективный опыт прошлого. Оптимальным для описания мнемического нарратива представляется когнитивно-коммуникативный подход, позволяющий учесть параметры нарратора, содержания нарратива, его коммуникативной направленности и аксиологического восприятия.

Ключевые слова: память, воспоминания, опыт прошлого, нарратив, нарратор, когнитивно-коммуникативный подход.

Abstract

Narrative as a form of organizing and structuring past experience is conventionally associated with memory. Researchers differentiate a number of memory-related narrative types, some being discrepant or ambiguous when placed in a broader context of alternative conceptions. One complicating factor contributing to the typological polyphony is the complex nature of the narrative phenomenon studied within the theoretical and methodological standards of different disciplines and thus entailing controversial interpretations.

This paper seeks to clarify some aspects of the memory-narrative relationship by examining memory narrative as a language structure in the cognitive-communicative perspective. The author aims to provide a conceptual framework for the research by setting out distinctive features of memory narrative and determining its status among other narrative formats rendering mnemonic content. The findings suggest that memory narrative is a universal narrative type objectifying both personal and collective past experience and displaying specific semantic and structural properties.

To support theoretical claims, relevant language data were collected and analyzed. Empirical analysis was based on four parameters that are of high significance to the cognitive-communicative paradigm: 1) the narrator parameter stating the role of the reminiscing subject in the narration, 2) the content parameter highlighting thematic dominants of the narration, 3) the communicative intention parameter indicating the narrator's communicative goals, and 4) the axiological perception parameter demonstrating how the narrator evaluates the experience being rendered.

The first parameter allowed differentiating between narrator-oriented and event-oriented narrative types, the former being registered for over two thirds of the collected language samples. In accordance with the content parameter, five communicative types of memory narrative were set out: 1) event narrative, 2) confession narrative, 3) analytical narrative, 4) didactic narrative, and 5) entertaining narrative. Empirical data suggest that the communicative types of memory narrative yielded by the research stand in correlation with its thematic dominants.

Further analysis revealed that the manifested mnemonic content allows critical evaluation on the part of the narrator who can assign it the following values: 1) positive memory experience, 2) negative memory experience, 3) neutral memory experience, and 4) ambivalent memory experience.

The study has shown that memory narrative functions as a specific narrative type objectifying past experience. It is characterized by thematic variation, communicative flexibility and axiological interpretability.

Key words: memory, recollections, past experience, narrative, narrator, cognitive-communicative approach.

Введение. На протяжении последних десятилетий нарративная парадигма стояла в авангарде современного гуманитарного знания и играла значимую роль в определении путей его дальнейшего развития. Тенденция к нарративизации как индивидуального жизненного опыта, так и социального опыта коллективов, прочно утвердившаяся в гуманитаристике рубежа веков, привела к закономерному результату: первоначальный статус нарратива как конвенционального формата фиксации и трансляции пережитого претерпел качественные изменения, и нарративная форма, бо-

лее не воспринимаемая как стереотипная повествовательная оболочка, стала полноценным объектом исследовательского внимания. При этом интерес к нарративу проявляют не только литературоведы и историки, среди первых обратившие внимание на данный формат передачи опыта, но и социологи, психологи, культурологи, философы и лингвисты. Отсюда множественность определений нарратива, многообразие интерпретаций его сущности и плюрализм подходов к его изучению.

В лингвистической традиции первые попытки исследования нарратива как универсального языкового конструкта, функционально подчиненного практическим задачам сторителлинга и «скриптизации бытия» [Тульчинский 2019], восходят к принципам системно-структурного подхода, в рамках которого прежде всего велась работа по выявлению и описанию структурных универсалий нарратива, моделей его сюжетно-композиционной организации (см., например, [Барт 1987; Пропп 1928; Греймас 2000; 2004]). С утверждением антропоцентризма и общей переориентацией науки о языке на человеческий фактор вектор нарратологических исследований сместился в сторону авторской позиции и ее манифестации в тексте. В этой связи на первый план выходит коммуникативная личность нарратора как носителя жизненного опыта, стратегии и тактики конструирования самоистории (см., например, [Тюпа 2001; Шмид 2003; Радбиль 2017]).

Жизненный опыт, объективируемый в режиме автонаррации, в современных научных концепциях неизменно представляется в сопряжении с памятью [Тивьяева 2013]. Среди сторонников нарративной модели памяти психологи, социологи и лингвисты, которые видят память не как архив или хранилище, но как нарративную структуру, позволяющую организовать опыт прошлого. Так, например, по мнению Р. Шэнка и Р. Абельсона, нарратив составляет основу памяти [Schank, Abelson 1977]. Похожих взглядов придерживаются Дж. Брюнер [Bruner 1991] и его последователи [Léon 2016; Scilaz 2015], рассматривающие нарратив как форму существования опыта и памяти.

При этом подразумевается, что нарратив выполняет формообразующую функцию в первую очередь по отношению к автобиографической памяти, под которой понимается «подсистема, оперирующая воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях» [Нуркова 2006: 214]. По словам А. Б. Богдановской, «человек не имеет иных способов описания пережитого кроме как в форме нарратива, включающего рассказ о значимых событиях автобиографии в знаковую систему восприятия себя и мира» [Богдановская 2012: 173]. С не менее смелым заявлением выступает и Дж. Брокмайер, по утверждению которого “there are autobiographical memories that only come into being because of narrative” — некоторые автобиографические воспоминания существуют только благодаря нарративу [Brockmeier 2016: 99] (перевод мой. — *И. Т.*).

В последние десятилетия автобиографический нарратив не покидает зону исследовательского интереса, становясь объектом психологических, социологических, культурных, философских и лингвистических изысканий (см., например, [Аверина 2019; Дубнякова, Кашина 2017; Журди 2010; Нерсесова 2018; Ньюбина 2011; Сапогова 2005; Тульчинский 2019]). Вместе с тем, очевидно, что нарратив личного опыта, эксплицирующий мнемическое содержание, не всегда автобиографичен, равно как и личные воспоминания не обязательно являются автобиографическими [Nelson, Fivush 2004: 488]. Исследователи отмечают, что автобиографическая память включает не просто личные воспоминания, но воспоминания о лично значимом опыте, несущем особую важность для субъекта, связанном с эмоциями, целями, мотивацией [Conway, Rubin 1993]. Соответственно автобиографический нарратив также будет характеризоваться, в первую очередь, усиленным присутствием субъективного компонента, отражающего аналитическую и интерпретирующую деятельность субъекта воспоминаний.

В настоящей работе автобиографический нарратив рассматривается как частный случай мнемического нарратива — повествования, сконструированного на основе личного или коллективного мнемического опыта [Тивьяева 2018: 177]. В отличие от автобиографического нарратива, в последние два десятилетия неизменно находившегося в фокусе внимания исследователей, мнемический нарратив рассматривался фрагментарно (например, в структурном аспекте в работе [Тивьяева 2020]) или в сопряжении с другими явлениями, релевантными для описания вербальной объективации опыта памяти (см., например, [Ощепкова, Тивьяева 2019]). Вышесказанное определяет актуальность дальнейшего исследования мнемического нарратива с позиций науки о языке, в связи с чем в данной работе ставится цель выявить и описать его специфику как формата языкования воспоминаний индивидуального или коллективного субъекта, в первую очередь в когнитивно-коммуникативном аспекте.

Рассмотрим следующий пример:

(1) On this night Dave walked in gravely and addressed us with uncharacteristic trepidation. “We have no idea what we’re doing,” I recall him saying. He apologized in advance for the show, needlessly. He thanked us for venturing in, as if there hadn’t been crushing demand for tickets. I had never imagined this legendary entertainer so uncertain in public, so reluctant to perform, so clearly nervous.

Dave retreated to his desk to await a planned “cold opening” — no music or announcement. The 400-seat theater was silent as night.

What followed was probably the most unabashedly wounded and emotionally true *seven minutes* in the history of variety television. Dave’s voice was shaky. “If we are going to do shows, I just need to hear myself talk for a couple of minutes ... forgive me if this is more for me than for people watching” [Hill].

Представленный отрывок — фрагмент статьи “Letterman After 9/11: Seeking Normal”, опубликованной на интернет-ресурсе HuffPost. Брэд Хилл, автор публикации, в своих воспоминаниях обращается к тяжелому периоду в новейшей истории США — трагическим событиям сентября 2001 года, которые потрясли не только американскую, но и мировую общественность. Однако журналист рассуждает не о глобально значимых последствиях случившегося, а о переменах в жизни рядовых граждан. Один из «обывательских» вопросов, волновавших автора в тот период, связан с юмористическими шоу и выступлениями комиков. Хилл задается вопросом, какой выход найдут сценаристы, когда стране совсем не до шуток. Таким образом, рассматриваемый нарратив репрезентирует личный опыт вспоминающего субъекта, поэтому является мнемическим, но при этом объективируемый опыт невозможно назвать автобиографическим, поскольку он не является определяющим на жизненном пути автора, не имеет отношения к его личным целям, успехам, достижениям или провалам. Этот и подобные нарративы, сконструированные на основании личного или коллективного опыта памяти, мы будем называть мнемическими.

Мнемический нарратив, имея ряд сходств с перволичным нарративом, нарративом личного опыта и автобиографическим нарративом, все же обладает собственной спецификой, которая позволяет позиционировать его как независимый тип перволичного нарратива. Специфика мнемического нарратива, обуславливающая наличие у него дифференциальных признаков, связана с типом репрезентируемого опыта. Если личностный нарратив — это повествование о жизненном опыте индивида в любых его проявлениях, то мнемический нарратив также являет собой повествование о специфической разновидности личного опыта — опыте мнемическом, т. е. опыте, прошедшем мнемическую обработку, опыте, некогда зафиксированном в памяти субъекта и подвергшемся различным трансформациям в результате работы отдельных процессов памяти [Тивуаева 2014: 297]. Кроме того, в основе мнемического нарратива может также лежать коллективный опыт (см. пример (2) ниже). Автобиографический нарратив, таким образом, видится как тип мнемического нарратива, представляющий прошлый опыт индивида в масштабе его жизненного пути, с особым акцентом на ключевых событиях, способствующих формированию личности и ее самовосприятия.

Поскольку на настоящий момент мнемический нарратив, являясь достаточно распространенной формой вербальной репрезентации мнемических переживаний, как лингвокогнитивный феномен не получил исчерпывающего описания, представляется целесообразным изучить особенности его языковой организации в их связи с когнитивно-коммуникативными условиями его продуцирования.

Материалом исследования послужил авторский корпус англоязычных мнемических нарративов или нарративных фрагментов, отобранных методом сплошной выборки из печатных и онлайн-источников, репрезентирующих различные типы дискурса, а именно: художественный, документальный, политический, массмедийный и дискурс социальных сетей. Общий объем корпуса составил 1000 единиц. Основанием для включения текстового фрагмента в эмпирическую базу являлась его принадлежность к классу мнемических нарративов, которая определялась в соответствии со следующими принципами: 1) удовлетворение базовым критериям нарративности [Labov, Waletzky 1966] в части наличия сюжета, динамики развития событий в результате действий одного из участников, и пространственно-временной локализации событий; 2) повествование от первого лица; 3) мнемическая семантика, связанная с оязыковлением личного или коллективного опыта памяти.

Методология. Для целей данной работы методологически релевантной является концепция коммуникативной личности С. Н. Плотниковой, в соответствии с которой выбор модели коммуникативного поведения индивида определяется поведением других членов коммуникативного сообщества, являющегося когнитивным по природе [Плотникова 2017, 2019]. Применительно к объекту настоящего исследования значимость указанной концепции заключается, во-первых, в ее объяснительной силе в отношении разрабатываемой автором когнитивно-коммуникативной концепции мнемической деятельности, в соответствии с которой выбор субъектом формата вербализации мнемических переживаний основывается на объективных закономерностях и детерминируется комплексом когнитивных и коммуникативных параметров; во-вторых, в обосновании необходимости изучения коммуникативной организации мнемического нарратива для дальнейшего понимания механизма взаимодействия коммуникантов в различных мнемических ситуациях.

Также методологически значимым является принцип доминантности, изначально сформулированный для объяснения особенностей функционирования отдельных физиологических процессов, но впоследствии успешно экстраполированный на другие области знания, в том числе науку о языке. В контексте настоящей работы важность принципа доминантности заключается в его непосредственной связи с организацией нарративного пространства. В соответствии с концепцией, предложенной А. И. Новиковым, «доминанта, возникшая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков 1999: 45]. В настоящей работе мы исходим из того, что доминанта личного или коллективного опыта, запечатленного в памяти, детерминирует тематическое содержание мнемического нарратива и глубину описания

отдельных эпизодов, определяет конфигурацию и последовательность сюжетных элементов, задает общую тональность.

Когнитивно-коммуникативная организация мнемического нарратива

При описании коммуникативно-информационной структуры мнемического нарратива в настоящей работе мы будем придерживаться коммуникативной традиции изучения нарративных текстов, которая предполагает рассмотрение в качестве ключевых двух параметров: параметра нарратора и параметра содержания. Положение о первостепенном статусе рассказчика и собственной истории в нарративных исследованиях стало своего рода догмой, и даже в попытках расширить исследовательские горизонты нарратологи по-прежнему ставят во главу угла диаду «нарратор — повествование».

Фигура нарратора является основополагающей и при изучении коммуникативно-информационных свойств мнемического нарратива. Именно фактор нарратора как субъекта мнемического процесса является определяющим для коммуникативно-информационной организации мнемического нарратива. Отбор содержания, динамика и ориентация повествования детерминируются позицией носителя мнемического опыта.

Автор мнемического нарратива как носитель опыта памяти создает повествование о динамической ситуации из прошлого, по отношению к которой он может занимать позицию участника или наблюдателя. Выбор концепции изложения имеет существенное значение, так как позиция субъекта изначально коррелирует с тематическими доминантами мнемического нарратива и манерой повествования. Например, в мнемическом нарративе (1), фрагмент из которого приведен выше, субъект воспоминания занимает позицию участника описываемых событий, достаточно детально описывая свои действия и мысли до начала записи шоу и во время съемок. Нарратора, придерживающегося подобной повествовательной линии и выступающего в качестве субъекта и объекта мнемического нарратива одновременно, мы будем называть нарратором-участником.

Пример (2) ниже иллюстрирует иную позицию нарратора в отношении способа изложения мнемического опыта. Данная нарративная текстоструктура представляет собой фрагмент речи Барака Обамы в дни памяти о Холокосте 23 апреля 2009 года. Тематическая направленность и формат мероприятия заранее вызывают определенные ожидания у слушателей относительно основной темы и фокуса наррации. Очевидно, что главное в выступлении Обамы не личные переживания и свидетельства, а картины жизни и борьбы еврейского населения в годы Второй мировой войны. Таким образом, в нижеприведенном отрывке нарратор, представляющий коллективного субъекта памяти, выступает в роли наблюдателя, с точностью фиксирующего описываемые события несмотря на временную дистанцию. При этом роль наблюдателя, как отмечает О. А. Сулейманова,

не исключает принадлежности повествователя фабульному пространству: «Наблюдатель — не постороннее лицо, он участник ситуации, хотя и в особом смысле — он регистрирует событие P, и без его регистрации оно не имеет смысла» [Сулейманова 2015: 71].

(2) In the moral accounting of the Holocaust, as we reckon with numbers like 6 million, as we recall the horror of numbers etched into arms, we also factor in numbers like these: 7,200 — the number of Danish Jews ferried to safety, many of whom later returned home to find the neighbors who rescued them had also faithfully tended their homes and businesses and belongings while they were gone.

We remember the number five — the five righteous men and women who join us today from Poland. We are awed by your acts of courage and conscience. And your presence today compels each of us to ask ourselves whether we would have done what you did. We can only hope that the answer is yes.

We also remember the number 5,000 — the number of Jews rescued by the villagers of Le Chambon, France — one life saved for each of its 5,000 residents. Not a single Jew who came there was turned away, or turned in. But it was not until decades later that the villagers spoke of what they had done — and even then, only reluctantly. The author of a book on the rescue found that those he interviewed were baffled by his interest. “How could you call us ‘good?’” they said. “We were doing what had to be done.”

That is the question of the righteous — those who would do extraordinary good at extraordinary risk not for affirmation or acclaim or to advance their own interests, but because it is what must be done. They remind us that no one is born a savior or a murderer — these are choices we each have the power to make. They teach us that no one can make us into bystanders without our consent, and that we are never truly alone — that if we have the courage to heed that “still, small voice” within us, we can form a minyan for righteousness that can span a village, even a nation [Obama].

Несмотря на то что в отношении режима наррации рассматриваемые примеры противопоставлены друг другу, тематически фрагменты достаточно близки друг другу, поскольку оба представляют отклик носителя мнемического опыта на значимое социально-политическое событие: в первом случае это крупная террористическая атака на США, во втором — Вторая мировая война. Следует отметить, что изображение некоторых событий, важных в социальном, экономическом или политическом плане, типично скорее для мнемического нарратива с нарратором-наблюдателем, поскольку нарратор-участник, как правило, предпочитает лично значимые темы. Тем не менее в отдельных мнемических нарративах, инициированных нарратором-участником, также объективируются воспоминания о событиях, выходящих за рамки личного.

Контент-анализ фактического материала, представленного в авторском корпусе, позволил выделить следующие *тематические доминанты* для субъектно-ориентированного мнемического нарратива:

- 1) семья;
- 2) чувства (любовь, ненависть, страх, сострадание);
- 3) дружеские и романтические отношения;
- 4) учеба и работа;
- 5) путешествия;
- 6) жизненный или исторический период (детство, молодость, война, болезнь);
- 7) выдающееся событие (свадьба, рождение, долгожданная встреча);
- 8) трагедия или негативный опыт (смерть, террористический акт, травма).

В мнемических нарративах с нарратором-наблюдателем были зарегистрированы следующие тематические доминанты:

- 1) личная жизнь другого лица;
- 2) жизненный или исторический период (детство, молодость, война, болезнь);
- 3) выдающееся событие (свадьба, рождение, долгожданная встреча);
- 4) трагедия или негативный опыт (смерть, террористический акт, травма).

На основании полученных результатов возможно заключить, что ряд тем, связанных преимущественно с обществом и общественными событиями, являются универсальными как для нарратора-участника, так и для нарратора-наблюдателя, в то время как тематические доминанты, затрагивающие личную сферу, являются специфическими для мнемических нарративов, в которых вспоминающий субъект занимает позицию активного участника описываемых событий.

Отметим также, что в отдельных случаях позицию нарратора возможно квалифицировать как гибкую, т. е. сочетающую в себе черты как активного нарратора-участника, так и несколько отстраненного нарратора-наблюдателя. Чаще всего вариативность режима наррации наблюдается в больших нарративах, значительных по объему и охвату материала, извлекаемого из памяти субъекта. В таких случаях при квантитативном анализе языковых данных в качестве основной позиции нарратора принималась ведущая, наиболее четко прослеживающаяся на протяжении повествования. Количественное распределение мнемических нарративов, зарегистрированных в авторском корпусе, в соответствии с типом нарратора демонстрирует численное преобладание нарративных текстоструктур с нарратором-участником (более двух третей в общей выборке), при этом самой частотной тематической доминантой является описание жизненного или исторического периода.

Вместе с тем мнемический нарратив не может рассматриваться исключительно как рассказ ради рассказа. Облекая предшествующий опыт в повествовательную форму, нарратор также решает иные коммуникатив-

ные задачи, помимо собственно информирования о событиях прошлого. Опираясь на обследованный нами материал, мы можем предложить следующую типологию мнемических нарративов с учетом коммуникативной установки нарратора:

- 1) *событийно-информативный нарратив*, направленный на изложение событий, фактов, обстоятельств, которые необходимо довести до сведения адресата;
- 2) *исповедальный нарратив*, нацеленный на решение коммуникативной задачи покаяния, избавления от мук совести посредством строгой оценки прошлого опыта;
- 3) *аналитический нарратив*, фокусирующийся не на внешних событиях жизни, а на рассуждениях вспоминающего субъекта, пытающегося осмыслить, объяснить и оценить опыт прошлого;
- 4) *дидактический нарратив*, в центре которого поучительный эпизод из опыта нарратора и содержащий наставление;
- 5) *развлекательный нарратив*, включающий описание занимательного эпизода из прошлого с целью развлечь или развеселить адресата.

Например, мнемические нарративы (1) и (2), рассмотренные выше, принадлежат к событийно-информативному и дидактическому типу соответственно. В первом примере автор нарративизирует события сентября 2001 года, имевшие место после крупной террористической атаки на США, тогда как во втором отрывке оратор, обращаясь к опыту прошлого, призывает руководствоваться им при принятии решений в настоящем.

В следующем нарративном фрагменте реализуется коммуникативное намерение нарратора на создание комической ситуации:

(3) It's also great to be back in Louisville, a city that I have always enjoyed visiting. Before I became secretary of state, I was chairman of America's Promise, the Alliance for Youth, an organization that has as its mission to build the character and confidence of America's young people, and I came to Louisville four years ago in that capacity to congratulate Mayor Abrahamson and the city for the great work that Louisville had been doing for its young people. It was one of our very, very best communities of promise.

I especially remember at that time Jerry gave me one of those huge over-sized Louisville Slugger baseball bats and I was deeply appreciative of that. I still keep it in my office, and believe me it comes in handy late at night...when I've had enough diplomacy for one day and I want to hit somebody. So I thank you, Jerry, and it's good to see you here in the audience. [Powell]

Обращаясь к жителям Луисвилла в ноябре 2001 г., Колин Пауэлл, на тот момент занимавший должность Государственного секретаря США, вспоминает, как один из присутствующих когда-то подарил ему бейсбольную биты, которой он до сих пор пользуется в конце рабочего дня, когда устает

от дипломатии. Таким образом, рассматриваемый мнемический нарратив как фрагмент политической речи несет в себе комическое начало и служит цели заручиться поддержкой аудитории, разрядив официальную обстановку и установив более тесный контакт со слушателями.

Результаты анализа корпуса языковых данных позволяют говорить о корреляции между коммуникативной направленностью мнемического нарратива и его тематической доминантой. Так, например, нарративы, описывающие чувства, дружеские и романтические отношения, чаще всего относятся к аналитическому или исповедальному типу, тогда как нарративы о жизненном или историческом периоде — к событийно-информационному. Развлекательный нарратив в большинстве случаев тематически связан с путешествиями, семьей, учебой или работой, и никогда — с трагическими событиями. Наличие подобных корреляционных связей, как представляется, возможно рассматривать как одно из проявлений когнитивно-коммуникативной детерминированности лингвомнемической деятельности.

Изучение когнитивно-коммуникативной организации мнемического нарратива позволяет также описать не только коммуникативную установку нарратора и сообразное ей мнемическое содержание, но и авторскую — апостериорную [Лингвистика и аксиология 2011: 36] — оценку опыта памяти. Конструируя повествование на основе своего индивидуального мнемического опыта, нарратор не только делится с адресатом собственной версией и интерпретацией прошлых событий в форме и объеме, соответствующих коммуникативной ситуации, но и неизбежно выражает личное отношение к описываемым обстоятельствам. Оценивая прошлый опыт, он может видеть его как в позитивном, так и в негативном свете. Обследованный материал дает основания заключить, что оценка опыта памяти нарратором также коррелирует с тематической доминантой мнемического нарратива. Так, например, трагедия всегда однозначно воспринимается отрицательно, тогда как семья, чувства и выдающиеся события чаще всего получают положительную оценку. Личная жизнь другого лица, жизненные или исторические периоды, описываемые в рамках мнемического нарратива, могут провоцировать у нарратора противоречивые чувства или, напротив, не вызвать бурной эмоциональной реакции.

В целом, на основании субъективного восприятия нарратором опыта памяти, вокруг которого конструируется мнемический нарратив, возможно выделить следующие *аксиологические типы* последнего:

- мнемический нарратив, объективирующий позитивный опыт;
- мнемический нарратив, объективирующий негативный опыт;
- мнемический нарратив, объективирующий нейтральный опыт;
- мнемический нарратив, объективирующий амбивалентный опыт.

Так, например, приведенный ниже фрагмент (4) иллюстрирует позитивное восприятие нарратором опыта памяти:

(4) One of my proudest moments as a soldier and as an American came in 1991 when American troops lead the international coalition of forces that liberated Kuwait from Saddam Hussein's invaders.

Later that year, though, I watched with equal pride as Arabs and Israelis gathered together in the aftermath of the Gulf War; they gathered together in Madrid to take advantage of the opportunity created by the successful war. They took the opportunity to launch a historic process of negotiations aimed at ending their conflicts once and for all. They, too, were supported by an American-led coalition; one focused this time on peace rather than on war [Powell].

Общаясь с гражданами, Государственный секретарь США Колин Пауэлл делится воспоминаниями о значимых моментах в новейшей истории своей страны. Нарратора переполняют чувства гордости и патриотизма, которые передаются в тексте речи посредством лексики мелиоративной оценки ("proudest moments", "historic process", "successful war") и эффекта контраста ("liberated vs. Invaders", "on peace rather than on war").

Следует отметить, что мнемические нарративы, репрезентирующие позитивное восприятие нарратором опыта памяти, составляют самую многочисленную группу в корпусе проанализированных примеров (общая доля в составе выборки около 13%). Самыми частотными являются нарративы, объективирующие амбивалентный и нейтральный мнемический опыт (41% и 25% соответственно).

Выводы. Подводя итог сказанному, подчеркнем, что среди различных типов нарративных текстоструктур, репрезентирующих опыт нарратора (автобиографический нарратив, нарратив личного опыта и пр.), мнемический нарратив выделяется как отдельный тип, обладающий собственной контенсивной спецификой, которая проявляется в следующих характеристиках: 1) содержание мнемического нарратива может составлять как личный, так и коллективный опыт; в последнем случае, реконструируя события прошлого, нарратор отождествляет себя с коллективным субъектом; 2) личный опыт, манифестируемый в рамках мнемического нарратива, не тождествен автобиографическому, последний составляет лишь один из его компонентов; таким образом, автобиографический нарратив, часто рассматриваемый как универсальный вербализатор индивидуальной памяти, следует рассматривать как вид мнемического нарратива.

Поскольку мнемический нарратив выделяется среди других типов нарративного описания на основании контенсивной специфики, целесообразно при изучении его когнитивно-коммуникативной организации в первую очередь принимать во внимание соответствующие релевантные параметры, к которым мы относим следующие: 1) параметр роли субъекта,

обозначающий позицию, которую занимает нарратор по отношению к восстанавливаемым из памяти событиям; 2) параметр содержания, определяющий тематические доминанты повествования; 3) параметр коммуникативной установки, описывающий коммуникативные задачи нарратора; 4) параметр аксиологического восприятия, отражающий субъективную оценку нарратором реконструируемого опыта.

В соответствии с первым параметром были выделены два типа мнемического нарратора: нарратор-участник и нарратор-наблюдатель. В количественном отношении первый тип является более распространенным (на долю субъектно-ориентированных нарративов приходится более двух третьих примеров из авторского корпуса), что в целом согласуется с содержательным аспектом мнемического нарратива, выступающего, в первую очередь, как вербализатор личного и коллективного опыта.

На основании параметра содержания возможно дифференцировать восемь тематических доминант мнемического нарратива, из которых четыре проявляют признаки универсальности, то есть были зарегистрированы в нарративных текстоструктурах и с нарратором-участником, и с нарратором-наблюдателем. По данным квантитативного анализа самой частотной является доминанта жизненного или исторического периода.

В основу коммуникативной типологии мнемического нарратива был положен параметр коммуникативной установки нарратора, что позволило выделить следующие коммуникативные типы: 1) событийно-информативный нарратив, 2) исповедальный нарратив, 3) аналитический нарратив, 4) дидактический нарратив и 5) развлекательный нарратив. При этом возможно утверждать о наличии корреляционных связей между коммуникативной направленностью мнемического нарратива и его тематическими доминантами.

Нарратив в каноническом понимании [Labov, Waletzky 1966] обязательно предполагает субъективную оценку изложенного опыта, что отличает его от других повествовательных форматов. В соответствии с аксиологическим восприятием реконструируемого опыта нарратором были выявлены четыре типа мнемического нарратива: 1) репрезентирующий позитивный опыт, 2) репрезентирующий негативный опыт, 3) репрезентирующий нейтральный опыт и 4) репрезентирующий амбивалентный опыт.

Таким образом, с точки зрения лингвистического анализа мнемический нарратив представляет интерес в аспекте оязыковления мнемической деятельности индивидуального и коллективного субъекта. Анализ отношений мнемического нарратива с другими нарративными текстоструктурами, в том числе с *автобиографическим нарративом, перволичным нарративом, автонаррацией, нарративом личного опыта* и пр., позволяет рассматривать его как особый тип перволичного нарратива, семантически охватывающий более широкую зону, чем нарратив автобиографический.

Мнемический нарратив отличается тематическим разнообразием, допускает коммуникативно-функциональное варьирование и аксиологическую интерпретацию опыта памяти. Перспективы исследования мнемического нарратива могут быть связаны с когнитивно-семантическим анализом его темпоральной структуры и лексико-грамматических средств создания нарративного режима отсроченного воспоминания, с изучением нарративных стратегий реминисцирующего субъекта и особенностей его рефлексии и эмоционального состояния в момент непосредственного проживания событий и в процессе их вербальной реконструкции, отложенной во времени, а также с рассмотрением коммуникативно-прагматического потенциала нарративных текстоструктур, репрезентирующих мнемический опыт субъекта, в различных типах дискурса.

Литература

Аверина М. А. Автобиографическая проза К. В. Назарьевой: между реальностью и мифом // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 3 (35). С. 107–112.

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. Москва: Изд-во МГУ, 1987. С. 387–422.

Богдановская А. Б. Психосемантическое исследование личностно-смысловой организации автобиографического нарратива // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 153–1. С. 171–178.

Греймас А. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Москва: ИГ Прогресс, 2000. С. 153–170.

Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. Москва: Академический проект, 2004. 368 с.

Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.

Журди Н. В. Автобиографические тексты как предмет грамматики нарратива (на материале сравнительного анализа художественных произведений XX в.). Дис. ... канд. филол. наук, 10.02.20. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. 176 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов / Серебренникова Е. Ф., Антипов Н. П., Ладыгин Ю. А., Малинович Ю. М., Плотникова С. Н., Тарева Е. Г. и др. Коллективная монография. Москва: Тезаурус, 2011. 352 с.

Нерсесова Э. В. Концепция образа повествователя в ранних произведениях Генри Джеймса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3(31). С. 8–13.

Новиков А. И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 43–48.

Нюбина Л. М. Фрагментарность автобиографического нарратива в дискурсе вспоминающей личности // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 4. С. 181–193.

Ощепкова В. В., Тивьяева И. В. Память и темпоральность высказывания // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2019. № 26–2. С. 296–320.

Переходцева О. В. Память и нарратив в современной английской литературе: М. Эмис и Дж. Барнс: Дис. ... канд. филол. наук, 10.01.03. Саратов, 2013. 217 с.

Плотникова С. Н. Коллективная когниция и ее роль в конструировании социального мира // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 696–699.

Плотникова С. Н. Роль интерпретирующего дискурса в организации коммуникативного сообщества // Русистика и компаративистика. Москва: Книгодел, 2019. С. 304–315.

Пропп В. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928 URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm>.

Радбиль Т. Б. Коммуникативно-когнитивная теория нарратива в современной лингвоэпике // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Москва: Московский государственный институт международных отношений, 2017. С. 126–131.

Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.

Сулейманова О. А. Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 69–75.

Тивьяева И. В. Категория памяти как объект исследования в лингвистике // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков. Материалы II научно-практической интернет-конференции с международным участием. Тула: Тульский государственный университет, 2013. С. 125–134.

Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–315.

Тивьяева И. В. Фиксация и трансляция индивидуальной памяти средствами естественного языка. Москва: Флинта: Наука, 2018. 224 с.

Тульчинский Г. Л. Скриптизация персонологического бытия // Человек. 2019. № 14. С. 75–87.

Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 58 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Brockmeier, Jens. Beyond the Archive: Memory, Narrative, and the Autobiographical Process. Oxford: Oxford University Press, 2015. 401 p.

Bruner J. The narrative construction of reality. *Critical Inquiry*, 1991. Vol. 18(1). P. 1–21 URL: <http://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/448619>.

Conway, M. A., Rubin D. C. The structure of autobiographical memory. In A. F. Collins, S. E. Gathercole, M. A. Conway, P. E. Morris (Eds.). *Theories of memory*. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1993. P. 103–139.

Hill B. Letterman. After 9/11: Seeking Normal // Huffpost URL: https://www.huffpost.com/entry/letterman-after-911-seeking-normal_n_954322.

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts. Proceeding of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*. Seattle, London: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.

Léon Carlos. An architecture of narrative memory. *Biologically Inspired Cognitive Architectures*, 2016. Vol.16. P. 19–33.

Nelson K., Fivush R. The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Development Theory. *Psychological Review*, 2004. Vol. 111. № 2. P. 486–511.

Obama B. Holocaust Days of Remembrance Commemoration Address // American Rhetoric URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaholocaustdaysofremembrance.htm>.

Powell C. McConnell Center Address on U. S. Role in Arab-Israeli Conflict // American Rhetoric URL: <https://americanrhetoric.com/speeches/cpowell11-19-01.htm>.

Schank R. C., Abelson R. P. Knowledge and Memory: The Real Story // Robert S. Wyer, Jr (ed.) *Knowledge and Memory: The Real Story*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 1–85.

Scilaz N. Towards narrative-based knowledge representation in cognitive systems. In *Proceeding of the 6th workshop on computational models of narrative (CMN'15)*, 2015. P. 133–141.

Тивьяева И. Representation of retrospective memory and communicative context. *Jezikoslovlje*. 2014. Vol. 15 (2–3). S. 283–306.

References

Averina M. A. Avtobiograficheskaya proza K. V. Nazar'evoy: mezhdru real'nost'yu i mifom // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2019. № 3 (35). S. 107–112.

Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyx tekstov // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: traktaty, stat'i, esse. Moskva: Izd-vo MGU, 1987. S. 387–422.

Bogdanovskaya A. B. Psichosemanticheskoe issledovanie lichnostno-smyslovoj organizacii avtobiograficheskogo narrativa // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2012. № 153–1. S. 171–178.

Grejmas A. Razmyshleniya ob aktantnyx modelyax // Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu. Moskva: IG Progress, 2000. S. 153–170.

Grejmas A.-Zh. Strukturnaya semantika: poisk metoda. Moskva: Akademicheskij proekt, 2004. 368 s.

Dubnyakova O. A., Kashina T. A. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2017. № 1 (25). S. 42–49.

Zhurdi N. V. Avtobiograficheskie teksty kak predmet grammatiki narrativa (na materiale sravnitel'nogo analiza khudozhestvennykh proizvedenij XX v.). Dis. ... kand. filol. nauk, 10.02.20. Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova, 2010. 176 s.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem. Moskva: URSS Editorial, 2004. 256 s.

Lingvistika i aksiologiya. Etnosemiometriya cennostnykh smyslov / Serebrennikova E. F., Antip'ev N. P., Ladygin Yu. A., Malinovich Yu. M., Plotnikova S. N., Tareva E. G. i dr. Kollektivnaya monografiya. Moskva: Tezaurus, 2011. 352 s.

Nersesova E. V. Koncepciya obraza povestvovatelya v rannikh proizvedeniyakh Genri Dzhejmса // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2018. № 3(31). S. 8–13.

Novikov A. I. Tekst, smysl i problemnaya situaciya // Voprosy filologii. 1999. № 3. S. 43–48.

Nyubina L. M. Fragmentarnost' avtobiograficheskogo narrativa v diskurse vspominayushhej lichnosti // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4. S. 181–193.

Oshchepkova V. V., Tivyaeva I. V. Pamyat' i temporal'nost' vyskazyvaniya // Psycholinguistics. 2019. № 26–2. S. 296–320.

Perekhodceva O. V. Pamyat' i narrativ v sovremennoj anglijskoj literature: M. Emis i Dzh. Barns: Dis. ... kand. filol. nauk, 10.01.03. Saratov, 2013. 217 s.

Plotnikova S. N. Kollektivnaya kogniciya i ee rol' v konstruirovanii social'nogo mira // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2017. Vyp. XXX. S. 696–699.

Plotnikova S. N. Rol' interpretiruyushhego diskursa v organizacii kommunikativnogo soobshhestva // Rusistika i komparativistika. Vyp. XIII. Moskva: Knigodel, 2019. S. 304–315.

Propp V. Morfologiya skazki. Leningrad: Academia, 1928 URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm>.

Radbil' T. B. Kommunikativno-kognitivnaya teoriya narrativa v sovremennoj lingvopoetike // Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnykh otnoshenij, 2017. S. 126–131.

Sapogova E. E. Avtobiograficheskij narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2005. № 2. S. 63–74.

Suleymanova O. A. Semanticheskaya rol' implicitnogo nablyudatelya v modeli predlozheniya // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2015. № 3(19). S. 69–75.

Tivyaeva I. V. Kategoriya pamyati kak objekt issledovaniya v lingvistike // Aktual'nyye problemy lingvistiki i lingvodidakticheskiye aspekty professional'noj podgotovki perevodchikov. Materialy II nauchno-prakticheskoi internet-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2013. S. 125–134.

Tivyaeva I. V. Fiksaciya i translyaciya individual'noj pamyati sredstvami estestvennogo yazyka. Moskva: Flinta: Nauka, 2018. 224 s.

Tivyaeva I. V. Strukturnaya organizaciya mnemicheskogo narrativa // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2020. № 1. S. 303–315.

Tul'chinskij G. L. Skriptizaciya personologicheskogo bytiya // Chelovek.ru. 2019. № 14. S. 75–87.

Tyupa V. I. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001. 58 s.

Shmid V. Narratologiya. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

Brockmeier Jens. Beyond the Archive: Memory, Narrative, and the Autobiographical Process. Oxford: Oxford University Press, 2015. 401 s.

Bruner J. The narrative construction of reality // Critical Inquiry. 1991. Vol. 18 (1). P. 1–21 URL: <http://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/448619>.

Conway M. A., Rubin D. C. The structure of autobiographical memory. In A. F. Collins, S. E. Gathercole, M. A. Conway, P. E. Morris (Eds.). Theories of memory. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1993. P. 103–139.

Hill B. Letterman After 9/11: Seeking Normal // Huffpost URL: https://www.huffpost.com/entry/letterman-after-911-seeking-normal_n_954322.

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts. Proceeding of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Seattle, London: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.

Léon Carlos. An architecture of narrative memory. Biologically Inspired Cognitive Architectures, 2016. Vol. 16. P. 19–33.

Nelson K., Fivush R. The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Development Theory. Psychological Review, 2004. Vol. 111. № 2. P. 486–511.

Obama B. Holocaust Days of Remembrance Commemoration Address // American Rhetoric URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaholocaustdaysofremembrance.htm>.

Powell C. McConnell Center Address on U. S. Role in Arab-Israeli Conflict // American Rhetoric URL: <https://americanrhetoric.com/speeches/powell11-19-01.htm>.

Schank R. C., Abelson R. P. Knowledge and Memory: The Real Story // Robert S. Wyer, Jr (ed.). Knowledge and Memory: The Real Story. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 1–85.

Scilaz N. Towards narrative-based knowledge representation in cognitive systems. In Proceeding of the 6th workshop on computational models of narrative (CMN'15), 2015. P. 133–141.

Tivyaeva I. Representation of retrospective memory and communicative context. Jezikoslovlje. 2014. Vol. 15 (2–3). P. 283–306.

Сведения об авторе: Ирина Владимировна Тивьяева; доктор филологических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков; ORCID 0000-0002-6316-784X; tivyaeva@yandex.ru; сфера научных интересов: лингвомнемология, нарратология, когнитивная лингвистика, психолингвистика.

The author's profile: Irina Vladimirovna Tivyaeva; Doctor of Philology; Associate Professor; Moscow City University; Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies at the Institute of Foreign Languages; ORCID 0000-0002-6316-784X; tivyaeva@yandex.ru; research interests: linguistic memory studies, narratology, cognitive linguistics, psycholinguistics.